

УДК 94(470) «1941/1945»

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-81-95

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ В СССР ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОТ СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЫ ДО ИЗМЕНЫ РОДИНЕ

Ларионов А. Э., Камнева Г. П., Сотников А. А., Сотников С. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности девиантного поведения советских людей как специфического социально-исторического феномена военного времени 1941–1945 гг.

Процедура и методы. Изучен комплекс источников, сформулирована и проведена верификация гипотезы на основе анализа аутентичных фактов с привлечением репрезентативной историографической выборки.

Результаты. Социальные девиации являлись неотъемлемой и достаточно значимой частью повседневной жизни и общественно-политического развития СССР в годы Великой Отечественной войны. Они отличались значительным типовым и видовым многообразием. Учитывая экстремальные исторические условия, можно сказать, что девиантное поведение являлось дополнительным фактором риска, существенно снижавшим устойчивость и резистентность Советского Союза перед лицом внешней агрессии. Вместе с тем советское общество и государство выработали широкий спектр воспитательных и репрессивных мер, позволявших не только купировать негативные социальные последствия девиантного поведения, но и повышать жизнеспособность социальной системы. Недопустима абсолютизация негативных примеров в качестве аргумента в пользу негативной оценки всей советской эпохи. Недопущение перерастания социальных девиаций в разрушительный патогенез общества и государства явились следствием успешного синтеза ценностей и принципов традиционного общества с технологиями эпохи модерна в управлении.

Теоретическая и/или практическая значимость. Систематизированные в работе данные и научные результаты способствуют более глубокому пониманию советской эпохи, позволяя в перспективе построить единую теорию истории России XX в. Материалы статьи могут быть использованы при патриотическом воспитании школьников и обучении студентов гуманитарных специальностей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социальные коммуникации, девиантное поведение, социальные нормы и ценности, санкции

SOCIAL DEVIATIONS IN THE USSR IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: FROM ADULTERY TO HIGH TREASON

A. Larionov, G. Kamneva, A. Sotnikov, S. Sotnikov

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the peculiarities of the deviant behavior of Soviet people as a specific socio-historical phenomenon of 1941–1945 wartime.

Methodology. The authors studied a set of sources, phrased and verified the hypothesis of the article based on the analysis of authentic facts with the involvement of a representative historiographical sample.

Results. Social deviations were an integral and quite significant part of everyday life and socio-political development of the USSR during the Great Patriotic War. They were distinguished by a significant type and species diversity. Given the extreme historical conditions, it may be stated that deviant behavior was an additional risk factor that significantly reduced the stability and resistance of the Soviet Union in the face of external aggression. At the same time, Soviet society and the state developed a wide range of educational and repressive measures that allowed not only to stop the negative social consequences of deviant behavior, but also to increase the viability of the social system. The absolutization of negative examples as an argument in favor of a negative assessment of the entire Soviet era is unacceptable. The prevention of the development of social deviations into a destructive pathogenesis of society and the state was the result of the successful synthesis of values and principles of traditional society with the technologies of the Modern era in management.

Research implications. The data and scientific results systematized in the article help to gain a deeper understanding of the Soviet era, allowing in the future to build a unified theory of the history of Russia in the twentieth century. In addition, the materials of the article can be used in teaching students of humanities and patriotic education of schoolchildren.

Keywords: The Great Patriotic War, social communications, deviant behavior, social norms and values, sanctions

Введение

Данная статья является попыткой решить такую социально-историческую проблему, как роль и место девиантно-го/патологического поведения граждан СССР в годы Великой Отечественной войны. Актуальность научного анализа этой проблемы проистекает из нескольких достаточно очевидных наблюдений за тенденциями социокультурного и гуманитарного научного развития современного российского общества.

Во-первых, неослабевающим интересом пользуется советская эпоха как важнейший структурный элемент национальной исторической памяти. При этом оценки периода в целом, отдельных его периодов и событий могут быть диаметрально противоположными, но сам накал дискуссий и даже конфликтов в российском обществе по поводу советского периода отечественной истории не ослабевает. Ещё более примечательно, что одним из активных субъектов нормообразующего характера в этих дискуссиях выступает государственная власть, включая достаточно эмоциональные высказывания В. В. Путина: «Конечно, к со-

жалению, есть подходы к истории, когда её пытаются превратить в политическое и идеологическое оружие. Мы видим, какие риски влечёт циничное отношение к прошлому. Как фальсификация, манипуляция историческими фактами ведёт к разобщению стран и народов»¹. Законодательная криминализация высказанных в публичном информационном пространстве недостатков фундаментальных оценочных суждений негативной направленности в адрес событий и персонажей российской истории служит тому подтверждением².

¹ Путин: фальсификация истории ведёт к разобщению стран и народов // НТВ : [сайт]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1798080/> (дата обращения: 02.11.2021).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Статья 354.1. Реабилитация нацизма // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/ (дата обращения: 02.11.2021); КоАП РФ. Статья 13.15 Злоупотребление свободой массовой информации п.4 // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/82c0a663173b440cc9b027bc8e687dc9e36e71ad/ (дата обращения: 02.11.2021).

Во-вторых, в течение последних десятилетий в отечественной исторической науке наблюдается определённый вектор интереса к тем или иным формам девиантного поведения советских людей в многовариантной конкретике исторических обстоятельств, не исключая период Великой Отечественной войны. Таким образом, мы наблюдаем как интерес общества к Советской эпохе, так и рост градуса научного внимания к теневым сторонам советской действительности. Однако далеко не всегда эти волны интереса порождают подлинно научное (т. е. стремящееся к постижению истины) знание. Нередко мы можем наблюдать позицию в духе антисоветчика А. И. Солженицына или белоэмигранта и почитателя Гитлера философа И. А. Ильина, которые были склонны отрицать и дискредитировать весь советский проект, некорректно абсолютизируя любые отрицательные явления в области права, быта, морали, экономики, государственного управления или военного командования.

Аналогичная методология прослеживается и в интересных, но тенденциозных работах современных российских исследователей М. В. Зефинова и Д. М. Дёгтева, посвящённых труду и жизни в советском тылу [2]. Противопоставить такого рода деструктивным информационным интервенциям можно не столько административные или уголовные санкции, но, прежде всего, взвешенную и обоснованную источниками и логикой аргументацию. Ибо, как показывает опыт «боёв за историю» в отечественном изводе, любая ложь претендует на скандальность и ажиотаж, тогда как истина – спокойна и терпелива. Когда волна ажиотажа схлынет, то, что претендовало на сенсационность, предстаёт во всём своём убожестве и неприглядности.

Здесь уместно вспомнить слова одного из основоположников российской патриотической контрпропаганды – поэта, дипломата и мыслителя Ф. И. Тютчева: «Истинный защитник России – История,

в течение трёх столетий разрешавшая в её пользу все тяжбы, в которые русский народ раз за разом ввергал всё это время свои таинственные судьбы...»¹. Соответственно, миссия исторической науки в данном контексте – адресовать обществу взвешенные суждения на основе объективных свидетельств, не боясь негатива, но и не впадая в национально-историческую гордыню, но соблюдая спокойное достоинство любящих детей своей Родины.

Сообразно с актуальностью можно сформулировать цель настоящей научной публикации как выявление особенностей девиантного поведения граждан СССР в 1941–1945 гг., рассматриваемого в качестве самостоятельного социально-исторического феномена данного ключевого этапа советской истории.

Для максимального полного достижения цели по ходу статьи необходимо решить следующий комплекс задач:

1. сформулировать определение девиантного поведения в контексте истории советского общества;
2. осуществить обзорный анализ источников и научных публикаций по теме статьи;
3. классифицировать девиантное поведение в СССР военного времени по типам и видам;
4. проанализировать характерные примеры, иллюстрирующие проблематику статьи;
5. определить роль и место социальных девиаций/патологий в истории СССР периода Великой Отечественной войны;
6. проанализировать реакции общества и государства на девиантное поведение граждан;
7. исходя из характеристики девиантного поведения и реакций на него, определить сущность советского общества;

¹ Тютчев Ф. И. Россия и Германия. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты» // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в 6 т. Т. 3. Публицистические произведения. М.: Классика, 2003. С. 112.

8. дать оценку социальных стратегий государства и общества в контексте взаимодействия с девиантным поведением граждан в 1941–1945 гг.

При сложности и обширном характере предмета исследования набор методов также достаточно широк. Прежде всего, в рамках проблематики настоящей статьи применялись следующие методы: идеографический, историко-генетический, структурный и системный. Социальные девиации рассматриваются в качестве структурного компонента такой сложной социально-исторической системы, как советское общество. Их феноменология и конкретные проявления могут быть реконструированы на основе изучения источников и проанализированы как обусловленные особенностями исторического развития России и конкретикой исторической ситуации.

Источники и историография социальных девиаций в СССР периода Великой Отечественной войны

Источниковедческое основание изучения феномена социальных девиаций в СССР военного времени обладает рядом специфических черт. Прежде всего, отсутствует свод или хотя бы каталог источников, специально посвящённый данной проблеме. Необходимые нам свидетельства приходится выявлять путём скрупулёзного поиска среди множества архивных документов и источников личного происхождения. Информация рассеяна подобно множеству блёсток, которые необходимо отыскать и извлечь. Часто для этого требуется сплошной просмотр сборников документов и архивных дел, опубликованных дневников, писем, мемуаров и интервью.

Следует отдать должное государственной исторической политике: в течение последних двух десятилетий опубликовано большое количество сборников документов общероссийского и регионально-муниципального уровней, позволяющих составить довольно полное

представление о социальных процессах в советском обществе в годы Великой Отечественной войны. В них можно отыскать свидетельства девиантного поведения в различных условиях и ситуациях, равно как почерпнуть информацию о реакции общества и органов власти на случаи отклоняющегося, деструктивного поведения. В частности, при написании настоящей статьи использовались следующие публикации: «Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953»¹, целый раздел данного сборника посвящён жизни уральской деревни в годы войны; «Партизаны Карельского фронта. Сборник документов и материалов»²: среди почти 700 опубликованных документов содержатся весьма интересные свидетельства о девиациях в партизанских отрядах; сборник документов «Освобождение Заполярья»; интересный и содержательный сборник документов о работе органов госбезопасности в предвоенные и военные годы – «Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946»³.

Кроме официальных документов, большим информативным потенциалом применительно к теме статьи обладают источники личного происхождения. Изданные относительно недавно фронтовые дневники лейтенанта Владимира Гельфанда⁴ и маршала А. И. Ерёменко⁵, пронзительные воспоминания И. Л. Дегена⁶ и дневник девочки-блокадницы Лены Мухиной⁷, дневниковые записи

¹ Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 // сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. М.: РОССПЭН, 2006. 912 с.

² Партизаны Карельского фронта : сб. док-тов и мат-лов // сост. Т. Н. Петрова. Петрозаводск: Версо, 2020. 661 с.

³ Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М.: МФД; Материк, 2006. 640 с.

⁴ Гельфанд В. Н. Дневник 1941–1946. М.: РОССПЭН-Книжки, 2015. 751 с.

⁵ Ерёменко А. И. Дневники, записки, воспоминания. 1939–1946. М.: РОССПЭН, 2013. 391 с.

⁶ Деген И. Л. Война никогда не кончается. М.: АСТ, 2014. 352 с.

⁷ «...Сохрани мою печальную историю...»: блокадный дневник Лены Мухиной. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. 368 с.

ответственного работника Челябинской области Бориса Катаева¹, целый ряд аналогичных источников позволяют посмотреть на эпизоды негативного поведения конкретных людей глазами простых советских граждан, как бы погрузиться в эпоху. Таким образом, количество источников по проблеме достаточно обширно. Однако они нуждаются в тщательном изучении и систематизации для максимально эффективного использования при работе над темой.

Переходя к характеристике историографического обеспечения темы социальных девиаций в СССР в годы Великой Отечественной войны, отметим существенное оживление исследовательских усилий по данной проблематике в последние годы. Интересные и характерные факты вкупе с их научным осмыслением приводятся в работах по истории регионов СССР в годы войны. Так, в монографии А. Громова «Арктика в Великой Отечественной войне» специальный раздел посвящён борьбе с криминалом в Мурманске [1, с. 112–114]. Факты аморальных и преступных деяний можно найти в работе А. В. Сперанского «На войне как на войне. Свердловская область в 1941–1945 гг.» [8, с. 98–99]. Интереснейшие факты и выводы можно почерпнуть в богато снабжённой источниками работе А. В. Митякова «Поручить НКВД... Спецлагеря в документах ГКО и наркоматов СССР (1942–1946)» [4]. Интересный, хотя и с долей предвзятости, материал приведён в работах М. В. Зефинова и Д. М. Дёгтева [2; 3]. Региональные аспекты девиантного поведения рассмотрены в работе А. В. Неменко [6]. Проблемы повседневного, в т. ч. и девиантного, поведения в советском тылу затрагиваются в коллективной монографии под редакцией Б. Физелера и Р. Марквика [7].

Не менее значимы публикации в научной периодике. В частности, самое пря-

мое отношение к теме настоящей статьи имеет работа дагестанского исследователя И. А. Эмирханова о девиантном поведении населения СССР и Германии при решении «продовольственного вопроса» [11]; проблемы девиантного поведения несовершеннолетних в годы войны рассматривают в своих историко-правовых статьях Л. Я. Тарасова, Мухаммедов Р. А., Пашкин А. Г. [5; 9].

Даже перечисленных работ достаточно для того, чтобы сделать вывод: тема социальных девиаций в СССР в 1941–1945 гг. не является табуированной и/или вовсе неизученной. Напротив, её проблематика активно вводится в научный оборот. Накапливается фактологическая база, повышается обеспеченность источниками. Но при этом необходимо отметить некоторые «болезни роста», которые бывают присущи любой научной проблеме на стадии её осознания и развития в качестве отдельного направления исследований. В частности, пишущие на темы социальных девиаций в годы войны авторы рассматривают отдельные сегменты общественной жизни и государственного управления. Попыток синтеза, обобщения почти не наблюдается. Кроме того, не делается и соотнесение поведенческих девиаций как отдельного универсального феномена с ценностными основаниями государственной политики и общественной жизни. Наконец, как это ни парадоксально выглядит, когда различные авторы говорят о девиантном поведении, они не дают определения самого базового термина в конкретике исторических условий.

Данная методологическая недоработанность в существующей историографии, безусловно, служит препятствием для выхода на уровень масштабных социально-исторических обобщений и теорий для включения феномена социальных патологий в единую канву отечественной истории XX столетия, что побуждает нас к продолжению исследований и формулировке собственной позиции по данной проблематике.

¹ Катаев Б. С. Повседневность и война. Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. СПб.: Изд. дом «Первоград», 2016. 312 с.

Понятие девиантного поведения в контексте истории Великой Отечественной войны

Кажущаяся ясность общеупотребительного термина «девиантное поведение» не должна вводить в заблуждение и ослаблять «охотничий инстинкт» исследователя! Недостаточно сказать фразу «отклоняющееся поведение» и снабдить её толкованием из словаря по социологии или психологии, чтобы считать терминологический вопрос решённым. Лишь поставив вопросы: от чего конкретно отклонялось поведение советских граждан? Что представляло собой советское общество в нормативно-ценностном и структурном плане? В чём заключалась специфика переживаемого страной момента? И последовательно на них ответив, мы можем надеяться, что приблизимся к верному уяснению («схватыванию» по М. Хайдеггеру) предметной сути данного понятия. Иначе говоря, необходимо вписать предельно общее понятие в социально-исторический контекст Великой Отечественной войны, после чего раскрыть его содержание.

Советский Союз был идеократическим обществом традиционного типа, но использующим управленческие, техно-экономические и военные технологии модерна ради сохранения себя в качестве субъекта мировой истории. С учётом прошлого исторического опыта СССР можно рассматривать как адаптационный ответ русской цивилизации на вызовы истории и её же проект будущего.

Фактически, в первые два десятилетия существования советской власти в стране было возрождено служилое общество с господством солидарных ценностных установок и приоритетом общего интереса над частным, долга и обязанности над индивидуальными правами и свободами. Важным новшеством стали множественные социальные лифты, которых в архаическом традиционном обществе не предусмотрено. Данная социальная метаморфоза охватила все сферы жизни, ока-

зав влияние на общественную мораль, право, принципы повседневной социальной коммуникации.

Начало Великой Отечественной войны буквально поставило вопрос о «жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР»¹, потребовав радикальной перестройки деятельности общества и системы государственного управления. Спасение будущего требовало чрезвычайных мер в настоящем. Солидарно-коллективистские ценностные установки, централизованные и мобилизационные принципы управления, ужесточение ответственности – все эти компоненты служилого государства актуализировались в максимальной степени. Их выполнение или нарушение оказывало прямое воздействие на выживание социума перед лицом внешней агрессии.

Таким образом, говоря о *девиантном* поведении в СССР в годы Великой Отечественной войны, мы должны подразумевать под ним всю *совокупность частных и публичных действий, нарушающих нормы морали и права традиционного идеократического общества в условиях тотальной войны на выживание*. Иными словами, девиантное поведение в социальной реальности СССР представляло собой не просто поведенческий акт, разово нарушающий ту или иную социальную норму, но *отрицание самих этих норм*, вне зависимости от того, было ли это отрицание спонтанным или умышленным, единоразовым или систематическим. За отрицанием норм просматривалось покушение на ценности, что, в свою очередь, создавало угрозу историческому бытию социума в целом.

Проблема классификации социальных девиаций в историческом контексте

Разумеется, сублимация всякого нарушения социальных норм к угрозе существованию общества в целом не означает

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1948. С. 13.

их полной унификации в духе легистской доктрины Шан Яна. Напротив, для получения соответствующей реальности картины необходимо типологизировать фактологию отклоняющегося поведения по содержанию и сферам жизни государства и общества. При этом принципов типологизации может быть применено несколько:

1. *зональный*: с первых дней войны территория СССР оказалась разделена на 3 неравные части с колеблющимися границами: тыловые районы; фронтовая полоса; оккупированные территории. По объективным причинам, условия жизни людей в них отличались часто самым радикальным образом. Соответственно, понятия и границы поведенческих эталонов, норм и девиаций часто существенно различались;

2. *социальный*: в зависимости от того, к какой именно сфере жизни общества и государства относился тот или иной конкретный акт девиантного поведения. Здесь можно выделить сегменты: семья, хозяйственная жизнь, идеология и политика, война и т. п.;

3. *нравственно-правовой*: все поведенческие патологии могут быть отнесены к 2 большим категориям: сфере морали или сфере права. В ряде моментов эти области могли пересекаться, но далеко не всегда нравственное отклонение являлось таковым с точки зрения формально-го законодательства;

4. *половозрастной*: факты отклоняющегося поведения совершались конкретными людьми, мужчинами, женщинами, подростками, зрелыми или пожилыми людьми. И здесь можно увидеть определённые особенности, присущие той или иной социальной группе.

Каждый поведенческий акт может рассматриваться и классифицироваться по всем 4 принципам. Разумеется, в рамках данной статьи не ставится такая нереальная задача как исчерпывающая характеристика всей совокупности социальных девиаций по типам и видам.

Мы лишь выстраиваем умозрительную модель по указанным векторам и снабжаем свои предположения и выводы некоторыми показательными иллюстрациями. При этом в операциональном плане наиболее удобным нам представляется 1-й типологический принцип, к которому мы и будем обращаться чаще всего.

Феноменология девиантного поведения: проблематика описания и интерпретации

Как можно заключить из вариантов классификации, диапазон девиантного поведения был весьма широк, включал в себя как приватные социальные практики, осуждаемые только на уровне общественной морали, так и серьёзные противоправные деяния, которые преследовались всею мощью репрессивного аппарата государства.

Поскольку судьба страны решалась на фронте, в ходе военных действий, логично начать предметный анализ девиантного поведения именно с фронтовой повседневности. Значительная часть патологий касалась взаимоотношений между людьми. Но в эти взаимоотношения неизбежно вплеталась реальность войны. Так что конфликты по поводу неподобающего поведения могли возникать там, где в более спокойных условиях ничего предосудительного не было бы. Обратимся к первоисточнику – фронтовым дневникам А. И. Ерёмченко. В сентябре–октябре 1941 г. он в звании генерал-лейтенанта командовал Брянским фронтом. В результате начала немецкого наступления на Москву в войсках фронта сложилась напряжённая обстановка: «Я принял на месте нужные меры... после этого поехал на ВПУ (временный пункт управления). Там я застал тов. Ефремова и члена Военного Совета армии, ведающего тылами, тов. Ганенко. Эти друзья сидели за столом, накрытым обильной едой и выпивкой и играли в шахматы. Играл тов. Ганенко с одним офицером штаба, а тов. Ефремов был у них в каче-

стве консультанта ... Когда я увидел эту компанию, я весь внутри кипел, но, не показывая виду, налил себе и Мазепову вина и сказал:

– Выпьем за тех, кто проигрывает в шахматы нашу страну.

Это взорвало тов. Ганенко...

– Товарищ командующий, поосторожней выражайтесь, не оскорбляйте, я член ЦК.

Это меня взорвало, и я хотел его избить, но нечем было ... Но я их так пропесочил, что они не знали куда деваться ... После этого инцидента тов. Ганенко послал шифровку Сталину ... В ответе Сталину я изложил всё, как было ... Когда Сталин читал моё донесение, он здорово смеялся и сказал:

– Ерёменко поступил правильно, но можно было и пожестче.

Ефремова и Ганенко сняли в 24 часа»¹.

Казалось бы, невинный эпизод игры в шахматы вызвал резко негативную реакцию комфронта. Но надо учитывать специфику момента. Действие было воспринято как вопиющее нарушение не военно-уставных, а именно моральных норм в силу своего категорического несоответствия требованиям ситуации: представители высшего командного звена позволяют себе выпивку, закуску и развлечения в тот момент, когда противник наступает, а на станции рвутся под немецкими бомбами не разгруженные вовремя эшелоны со снарядами! Вербальная инвектива и даже готовность к рукоприкладству в отношении подчинённых была обусловлена категорическим несоответствием уровнем должности и ответственности перед страной и обыденным поведением людей. Санкция в данном случае носила больше моральный характер, но показательно, что И. В. Сталин поддержал её не только словесным одобрением, но и кадровыми перестановками.

Впрочем, следует напомнить, что самоустранение от исполнения обязан-

ностей могло иметь и гораздо более тяжёлые последствия. В начале войны командующий Западным фронтом Павлов был приговорён к расстрелу «за преступное бездействие и халатное отношение к своим обязанностям». Другими словами, при определённых обстоятельствах «игра в шахматы» под выпивку и закуску могла перейти в разряд воинских преступлений и повлечь за собой «высшую меру социальной защиты».

Неизмеримо строже карались поступки военнслужащих, которые прямо нарушали устав и присягу. В особенности это касалось сдачи в плен с оружием в руках или отступления без приказа. Обе ситуации получали однозначно негативную оценку в документах высшего военного уровня. Приказы Ставки Верховного Главнокомандования за № 270 от 16 августа 1941 г. и Приказ Наркома Обороны СССР № 227 от 27 июля 1942 г. фактически усматривали в таких действиях покушение на предательство и предписывали самые жёсткие меры вплоть до бессудной расправы на месте. Виновных в оставлении позиций без приказа свыше по приговору трибунала могли отправить в «подразделения переменного состава», т. е. штрафные роты, либо приговорить к расстрелу. Переход на сторону врага не имел срока давности. Бесславная судьба генерала А. А. Власова тому яркий пример.

Однако, что роднит между собой относительно мелкий эпизод бытового конфликта по поводу игры в шахматы в прифронтовой обстановке и расстрел за добровольную сдачу в плен или отступление без приказа? И то, и другое действие рассматривалось в качестве девиантного поведения и оценивалось резко отрицательно (пусть и с разными последствиями для виновников) по причине того, что наносился ущерб обороноспособности страны во время войны. Фактически в столь непохожих ситуациях дезавуировалась такая высшая ценность, как историческое существование страны и народа.

¹ Ерёменко А. И. Дневники, записки, воспоминания. 1939–1946. М.: РОССПЭН, 2013. С. 109–110.

Только в первом случае люди как бы показывали малую значимость в их субъективном восприятии и поведении (шахматы важнее судьбы страны), тогда как во втором (переход на сторону врага) – человек своим поступком вообще отрицал страну, которой присягал служить. Но с точки зрения коллективной морали путь к предательству вполне мог начинаться с пренебрежением своими обязанностями.

Безусловно, спектр девиантного поведения на фронте был неизмеримо шире. Сюда входили и факты самодурства, произвола и пьянства начальников, аморальное поведение, хищение и разбазаривание продуктов и вещевого имущества, бытовые конфликты в среде военнослужащих, факты насилия в отношении гражданского населения и др. В тех случаях, когда этические регуляторы не срабатывали, в дело вступали политотделы, особые отделы, военная прокуратура. Для выявления злоупотреблений имущественного характера в структуре Главного управления тыла Красной Армии существовал специальный отдел инспекторов, материалы проверок которого при необходимости также передавались в военную прокуратуру.

Как видно из этого краткого обзора, в Действующей Армии существовала сложная система регуляции и борьбы с социальными девиациями, обладавшая широким набором инструментов – от мнения воинского коллектива и воспитательных бесед политработников и командиров до официальных карательных санкций со стороны особых отделов (с 1943 г. – органов военной контрразведки «Смерш»), военной прокуратуры и военных трибуналов. Тот факт, что Красная Армия как единый социальный организм сохранила управляемость и боеспособность даже в периоды тяжелейших неудач 1941–1942 гг., сумела адаптироваться к обстоятельствам и затем превзойти противника, а после вступления на вражескую территорию не превратиться в орду озверевших мстителей (эксцессы

были, но не делали погоды и достаточно жёстко и оперативно купировались), свидетельствует о том, что, во-первых, социальные девиации/патологии никогда не носили доминирующего характера, а воинский социум в целом обладал достаточной прочностью и резистентностью для противостояния разрушительным тенденциям; во-вторых, существовавшая система моральных и юридических санкций была достаточно гибкой и эффективной для устранения девиаций; в-третьих, неофициальные регуляторы «снизу» эффективно и в целом гармонично взаимодействовали с официальными регуляторами «сверху».

Существенно иначе складывалась ситуация с девиантным поведением в тылу. Прежде всего, иным был набор типовых патологических поступков. В силу нормированного снабжения и острой нехватки продуктов питания и товаров первой необходимости значительное место занимали такие нарушения общественной морали и права, которые были связаны с обеспечением продовольствием и товарами. Диапазон аморальных поступков и преступлений был достаточно обширен: спекуляция и торговля «из-под прилавка», подделка документов на снабжение продуктами и «мануфактурой», прямые хищения различного масштаба (от выноса килограмма зерна до кражи вагонами). В статье А. И. Эмирханова приводятся такие факты, как подделка и воровство продуктовых карточек сотрудниками карточных бюро, «в функции которых входил непосредственный контроль за выдачей продуктовых талонов» [11, с. 99]. В данном случае катализатором, спровоцировавшим возникновение социальной девиации, являлся доступ людей к управлению ресурсами в условиях их дефицита. Вместе с тем, если данное явление воспроизводилось, следует говорить о специфике кадрового отбора, когда в такие структуры нередко устраивались люди со сниженным моральным и правовым сознанием. Сблaзн восполь-

зоваться своим начальственным положением был достаточно велик и возникал в самых разных ситуациях, порождая поступки мелкие в масштабах войны, но чрезвычайно мерзкие. Об одном из них повествует рассказ очевидца, уроженца дер. Саларёво Ровдинского района Архангельской области, в годы войны подростком работавшим на лесозаготовках, Журавлёва Николая Власьевича 1926 г. р.: «Все были постарше меня, я был самым младшим по возрасту – 14 лет. Когда я заехал на вырубку, там уже никого не было, кроме одного взрослого мужчины Максимова Александра Петровича – бригадира по вывозке леса на лошадях. Я один никак не мог погрузить бревно на сани, как ни пытался, и попросил у него помощи, но он ответил: “Помогу, но с тебя половина пайки хлеба, суточная 600 г, и половина зарплаты”. Я заплакал от обиды и бессилия и поехал домой пустой, отъехал примерно 5 км от выруб и встретил начальника лесопункта «Козье» Петрова Николая Ивановича. На улице смеркалось, он говорит: «Коля, я тебя потерял, пошёл тебя встречать, что случилось?», я всё рассказал, что произошло. Начальник меня успокоил и велел не плакать, и мы с ним поехали домой, хороший был человек, добрый. Максимова Александра Петровича, который с меня требовал пайку, за помощь через 2 дня отправили на фронт, и больше о нём никто ничего не слышал»¹. В данном случае взрослый мужчина, начальник, попытался воспользоваться беспомощностью подростка и вытянуть с него пайку хлеба. Были нарушены как нормы морали (бескорыстная помощь взрослого и сильного слабым и младшим), так и права (вымогательство), покушение осуществлялось на жизненный ресурс. Санкция последовала немедленно. Справедливость восторжествовала. Конечно, были и другие случаи, когда подобные мерзости оставались без-

наказанными – ведь далеко не всё можно было выявить и наказать.

Гораздо большую опасность устойчивости общества и государства представляли откровенно криминальные деяния. В частности, широкое распространение в городах (особенно крупных) получили банды и шайки, члены которых промышляли воровством, грабежом и разбоем. По данным М. В. Зефирова и Д. М. Дёгтева (к сожалению, не снабжённым ссылками на источники), в 1942 г. уровень преступности возрос на 22% к 1941 г., в 1943 г. рост составил 21% к 1942 г., в 1944-м – 8,6%. И только в 1-м полугодии 1945 г. было зафиксировано снижение к аналогичному периоду предыдущего года на 10% [2, с. 359].

Хозяйственные преступления (хищения, спекуляция, обман покупателей) получили широкое распространение. Интересный факт изменения самой спекуляции – «чёрный рынок» реагировал на изменение потребительского спроса и возможностей: «В конце 1941 – начале 1942 г. на рынках появились т. н. “ложечники”: они продавали продукты не килограммами, а ложками, стаканами, поштучно. Так, чайная ложка служила меркой при продаже соды, чая; столовая ложка – муки, крупы; стакан – пшена, молока; блюдечко – капусты. Картофель продавался поштучно» [10, с. 206].

Спекулянты вызывали в народе двойственные чувства: с одной стороны, к ним формировалось отрицательное и презрительное отношение как к наживающимся на общем горе. С другой стороны, без них часто было не обойтись. Но примечательно и то, что на уровне государственной правовой политики также не было абсолютно единого мнения в отношении спекулянтов (но не расхитителей!). Количество осуждённых за спекуляцию в годы войны сократилось, хотя сами репрессии ужесточились.

В то же время прокурор СССР В. М. Бочков считал оживление спекуляции неизбежным при наличии затрудне-

¹ Журавлёв Н. В. Воспоминание о войне // Воспоминания. Летопись маленького поселения в большой войне. Верхнешоношское с/п, 2020. С. 12.

ний в снабжении населения, мобилизации и милитаризации экономики и т. п. Нередко происходило смягчение приговоров в результате перекалфикации дел: вместо ст. 107 УК РСФСР (спекуляция) могла применяться ст. 105 (нарушение правил торговли), предусматривавшая более мягкие санкции. Прокуратура часто рекомендовала выносить приговоры с учётом социального положения подсудимого, реальной величины и конкретных обстоятельств нанесённого ущерба. На этом фоне интересен вывод современного исследователя о качестве советской правовой системы военного времени: «... Нет ... оснований для поддержки ... мнения, что законодательство по вопросам юридической ответственности граждан в годы войны было заменено “квазиправовой системой регулирования”, а нормы уголовного вводились бессистемно» [10, с. 214]. Доля оправдательных приговоров по ст.ст. 105 и 107 в отдельные периоды доходила до 15–19%! Таким образом, государство предпринимало усилия не только по борьбе с хозяйственными преступлениями, но и по сохранению, насколько возможно, нормальной правовой системы без сползания её в «чрезвычайщину» в угоду принципу «война всё спешет». Правоприменительная практика была гибкой, а моральная позиция общества – амбивалентной.

Однако другие социальные патологии вызывали гораздо более резкую реакцию, причём как снизу, так и сверху. Например, попытка уклонения от призыва на военную службу в условиях войны. С одной стороны, мы имеем документы органов госбезопасности высшего уровня. Как, например, спецсообщение Л. Берии И. Сталину, В. Молотову и А. Антонову о фактах незаконного освобождения от службы в РККА со стороны работников райвоенкоматов и военно-врачебных комиссий (за взятки). Материал относится к ноябрю 1944 г. По всем выявленным фактам было открыто уголовное делопроизводство, затем материалы

передавались в военные трибуналы¹, т. е. ответственность настигала тех, кто буквально подрывал обороноспособность государства. Мерами наказания в таких случаях выступали смертная казнь либо направление в штрафные подразделения на фронты.

Но вот взгляд с другого полюса – от народа. Известен очерк Василия Пескова, повествующий о том, как отец собственноручно застрелил сына-дезертира, уподобившись литературному герою Тарасу Бульбе. Очерк записан «из первых рук»². Безусловно, такая реакция носителя традиционной морали является уникальной. Но и показательной. Категорическое неприятие попыток уклониться от священного служения. Самосуд, опережающий санкции государства и, возможно, более жестокий. Но вполне в духе идеалов и ценностей общества, специфики переживаемого страной исторического момента. Вообще, санкции общества в ряде случаев не имели альтернатив, поскольку могли касаться таких сторон человеческой жизни, которые не могли быть регулируемы ничем, кроме моральных норм и нравственных устоев конкретного человека. Если же деяние, которое противоречило моральным нормам, но не законодательству, происходило, то осуждение со стороны общества было единственным средством – пусть не ликвидировать последствия аморального поступка, но напомнить о существовании тех ценностей, на которых стоит общество и за которые сражаются и умирают солдаты на фронте.

В качестве примера можно привести историю с письмом в форме стихотворения. Его написал К. М. Симонов женщине из г. Вичуга. Письмо было опубликовано в газетах. Антигероиня письма извещала мужа-офицера, что пока он воюет, она связала свою жизнь с другим

¹ Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М.: МФД: Материк, 2006. С. 471–472.

² Песков В. М. Отцовский суд // ВикиЧтение. Песков В.М. Война и люди : [сайт]. URL: <https://history.wikireading.ru/221966> (дата обращения: 06.11.2021).

мужчиной. Остроты всей истории придавало то обстоятельство, что письмо однополчане офицера получили вскоре после его гибели и собирались известить об этом семью. Всё это вызвало праведный гнев сослуживцев, и по их просьбе Симонов написал стихотворный ответ, в финале которого были такие строки:

*Примите же в конце от нас
Презренье наше на прощанье.
Не уважающие вас
Покойного однополчане¹.*

Презрением и позором клеймилась женщина, изменившая мужу, пока тот защищал её на фронте и пожертвовал жизнью, будучи свято убеждённым в обоюдной любви. Благодаря печатному слову клеймо позора словно бы накладывалось обществом на всех женщин, которые поступают аналогичным образом. Это была своеобразная профилактика нравственных отклонений.

Впрочем, в художественной культуре военного времени на полумерах не останавливались. В созданных произведениях супружеская измена вполне могла сопрягаться с изменой Родине. Например, художественный фильм военных лет «Радуга», в финале которого советский командир собственноручно убивает свою жену, которая стала любовницей немецкого офицера. Просматривается вполне ясная коннотация: супружеская верность есть также верность Родине, тогда как супружеская измена означает также измену Родине. Следовательно, нравственность является залогом Победы в войне.

Такова идеальная схема, на основе которой строилась борьба с социальными девиациями в годы Великой Отечественной войны. Идеалы и ценности задавали те эталоны и нормы поведения, которым надлежало следовать во имя

будущего. Соответственно, нормы поведения выступали в качестве регуляторов. Общественная мораль и моральное же осуждение (при поддержке культуры) со стороны общества в различных формах помогали людям держать себя в рамках, если собственных сил противостоять соблазнам не хватало. Это была как бы «заёмная совесть», пусть и действовала она далеко не всегда. В тех же случаях, когда социальные девиации были связаны с нарушениями правовых норм, в действие вступала система государственных наказаний разной степени тяжести, вплоть до «высшей меры социальной защиты», т. е. смертной казни.

Пример осуждения и расправы с изменницей в фильме «Радуга» вплотную подводит нас к вопросу о социальных девиациях на временно оккупированных немцами советских территориях. Однако в силу специфичности, сложности и обширности данной темы мы предполагаем в будущем посвятить ей отдельную статью. Пока же целесообразно перейти к выводам.

Заключение

Великая Отечественная война явилась не просто страшным испытанием на прочность для советской системы, на право народа БЫТЬ в истории. Порождённые ею неизбежные социальные деформации стали также и соблазном для многих, проверкой на моральную и правовую устойчивость. Но также это был и экзамен для общества и государства – насколько они смогут выработать адекватную реакцию на сам факт возросших социальных девиаций, на конкретные виды и факты патологического поведения. Действительно, далеко не все советские граждане преодолели множественные соблазны военного времени. Многие оказались склонны оправдывать свою аморальность и преступления военными тяготами, необходимостью адаптироваться и выживать в тяжелейших условиях. Но многие – не синомин большинства.

¹ Самая известная неизвестная женщина из города Вичуги // Живой Журнал : [сайт]. <https://valuh.livejournal.com/330376.html> (дата обращения: 06.11.2021).

По нашему мнению, важный объективный факт социальной истории Великой Отечественной войны заключается в том, что множественные и многообразные случаи девиантного поведения, как аморального, так и преступного, не смогли сложиться в ту единую систему, которая бы смогла разрушить общество и государство изнутри. Органы государственной власти и общественное большинство проявили то единство, которое позволило успешно нейтрализовать если не сами девиации, то их негативное воздействие на социум.

Правда истории заключается ещё и в том, что симпатии, нравственный и гражданско-правовой выбор общественного большинства оказались на стороне тех идеалов, ценностей и норм, которые составляли духовный фундамент советского общества и государства. И которые

однозначно идентифицировались как полюс добра, который необходимо защищать всеми силами не только на фронте, но также в тылу и даже в оккупации. Такова общая модель трактовки феномена социальных девиаций в СССР военного времени.

В заключение считаем необходимым сказать, что в рамках ограниченной публикации не претендуем на исчерпывающую полноту освещения столь сложной и многоаспектной темы, которую затронули. Авторы сочтут свою статью успешной, если смогли убедить читателей в актуальности и самостоятельной значимости поставленной проблемы, а также в необходимости её дальнейшего изучения. К чему и обещают приложить свои дальнейшие усилия.

Дата поступления в редакцию 29.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов А. Б. Арктика в Великой Отечественной войне. М.: Паулсен, 2020. 316 с.
2. Зефирова М. В., Дёгтев Д. М. Всё для фронта? Как на самом деле ковалась Победа. М.: АСТ, 2009. 407 с.
3. Зефирова М. В., Дёгтев Д. М. Будни советского тыла. М.: Центрполиграф, 2016. 285 с.
4. Митяков А. В. Поручить НКВД... Спецлагеря в документах ГКО и наркоматов СССР (1942–1946). М.: Фронткнига, 2017. 631 с.
5. Мухаммедов Р. А., Пашкин А. Г. Беспризорность несовершеннолетних как социальное явление в 1941–1945 годах: проявления и попытка преодоления в Среднем Поволжье // Научный диалог. 2020. № 4. С. 384–400.
6. Неменко А. В. Крымские партизаны и оккупация Крыма в 1941–1944 годах. По материалам советских и трофейных документов. Севастополь: Альбатрос, 2020. 456 с.
7. Советский тыл в 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / отв. сост. Б. Физелер, Р. Д. Марквик. М.: РОССПЭН, 2019. 383 с.
8. Сперанский А. В. На войне как на войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург: Сократ, 2012. 408 с.
9. Тарасова Л. Я. Опыт социально-педагогической профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в Алтайском крае (историко-правовой аспект) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. №4. С. 61–67.
10. Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 328 с.
11. Эмирханов А. И. Проявление девиантности в поведении населения СССР и Германии в контексте влияния «продовольственного вопроса» на повседневную жизнь в условиях войны (1941–1945 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 98–105.

REFERENCES

1. Gromov A. B. *The Arktika v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Arctic in the Great Patriotic War]. Moscow, Paulsen Publ., 2020. 316 p.
2. Zefirov M. V., Degtev D. M. *Vso dlya fronta? Kak na samom dele kovalas' Pobeda* [Is everything for the front? How the Victory was actually forged]. Moscow, AST Publ., 2009. 407 p.
3. Zefirov M. V., Degtev D. M. *Budni sovetskogo tyla* [Everyday life of the Soviet rear]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 285 p.
4. Mityakov A. V. *Poruchit NKVD... Spetslagerya v dokumentakh GKO i narkomatov SSSR (1942–1946)* [Instruct the NKVD ... Special camps in the documents of the State Defense Committee and People's Commissariats of the USSR (1942–1946)]. Moscow, Frontkniga Publ., 2017. 631 p.
5. Mukhamedov R. A., Pashkin A. G. [Homelessness of children as a social phenomenon in 1941–1945: manifestations and attempts to overcome in Middle Volga]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2020, no. 4, pp. 384–400.
6. Nemenko A. V. *Krymskiye partizany i okkupatsiya Kryma v 1941–1944 godakh. Po materialam sovet-skikh i trofeynykh dokumentov* [Crimean partisans and the occupation of Crimea in 1941–1944. Based on Soviet and captured documents]. Sevastopol, Albatross Publ., 2020. 456 p.
7. Fieseler B., Markwick R. D., eds. *Sovetskiy tyl v 1941–1945: povsednevnyaya zhizn v gody voyny* [Soviet rear in 1941–1945: everyday life during the war]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2019. 383 p.
8. Speransky A. V. *Na voyne kak na voyne... Sverdlovskaya oblast' v 1941–1945 gg.* [At war as at war... Sverdlovsk region in 1941–1945]. Ekaterinburg: Socrat Publ., 2012. 408 p.
9. Tarasova L. Ya. [Experience of socio-pedagogical prevention of deviant behavior of minors during the Great Patriotic War (1941–1945) in the Altai Territory (historical and legal aspect)]. In: *Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences], 2020, no. 4, pp. 61–67.
10. Tverdyukova E. D. *Gosudarstvennoye regulirovaniye vnutrenney torgovli v SSSR (konets 1920-kh – seredina 1950-kh gg.): istoriko-pravovoy analiz* [State regulation of domestic trade in the USSR (late 1920s – mid 1950s): historical and legal analysis]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2011. 328 p.
11. Emirkhanov A. I. [Manifestation of deviant behavior in the USSR and Germany in the context of food shortages during war (1941–1945)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2020, no. 1, pp. 98–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: allar71@yandex.ru

Камнева Галина Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Сотников Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: microlabuss@mail.ru

Сотников Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: sergey@histr.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey E. Larionov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: allar71@yandex.ru

Galina P. Kamneva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Andrei A. Sotnikov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: microlabuss@mail.ru

Sergey A. Sotnikov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Deputy Dean, the Faculty of History, Political science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: sergey@histr.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионов А. Э., Камнева Г. П., Сотников А. А., Сотников С. А. Социальные девиации в СССР периода Великой Отечественной войны: от супружеской измены до измены Родине // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 81–95.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-81-95

FOR CITATION

Larionov A. E., Kamneva G. P., Sotnikov A. A., Sotnikov S. A. Social deviations in the USSR in the period of the Great Patriotic War: from adultery to high treason. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 81–95

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-81-95